

лось в той или иной степени на один лишь окружной город – Таганрог³⁶⁵.

8.6. УКРАИНЦЫ В ТАГАНРОГЕ. ДОНСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА. АНАРХИСТЫ. АГИТАТОРЫ

Если в Екатеринославе на съезде вновь избранный ЦИК Ук ещё пользовался каким-то авторитетом, то в Таганроге³⁶⁶ с ним уже мало кто считался. И дело даже не в том, что большинство народных секретарей не были никому известны. Советское правительство Украины связи с советскими учреждениями почти утратило.

И Таганрогский Совет не являлся исключением. Он существовал автономно, и делиться властными полномочиями с прибывшими не желал. Впрочем, на них претендовали и другие. «В городе было два центра власти, – пишет Д. Эрде, – ЦИКУК и совет. Но это были не единственные власти. Военный комиссар И.Ф. Родионов – левый эсер – был фактически независим от каждой из этих властей.

Военно-морской комиссар, матрос Конунников, хотя и был назначен Родионовым, тоже, пожалуй, был независимой властью, в пределах своих «владений». Кроме них были ещё отдельные начальники отрядов, частью с мандатами от Антонова-Овсеенко, частью без них».

Причём, из всех властных структур ЦИК Ук располагал наименее значительной военной силой. При нём был лишь небольшой отряд И. Кулика, охранявший в пути правительственный поезд. В этих условиях и разгорелся конфликт между представителями двух правящих партий.

Старая крестьянская армия своё существование к этому времени уже прекратила, угроза германского вторжения в Центральную

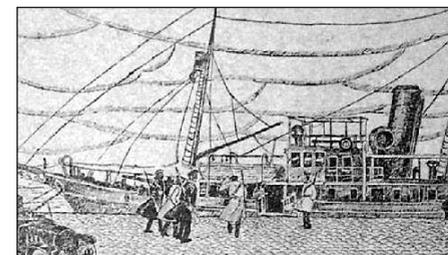
³⁶⁵ При выборе города последнего пребывания ЦИК Ук возникли некоторые разногласия. «Остановились на Таганроге, – вспоминает Д. Эрде, – как последнем опорном пункте оставшейся неоккупированной украинской территории». Из чего, между прочим, следует, что, по крайней мере, часть народных секретарей при определении границ Украинской республики ориентировались на статьи III Универсала. О возможных последствиях своего пребывания в Таганроге они до переезда не задумывались.

³⁶⁶ ЦИК Ук прибыл в Таганрог 9(22) марта и занял под свои учреждения номера в гостинице «Бристоль».

Россию была отведена, и теперь ничто уже не заставляло большевиков и левых эсеров держаться вместе. Стратегия борьбы за гегемонию во власти заставила последних пойти на постепенное размежевание и неприятие любых значимых действий оппонентов. Резкой критике при этом подвергся Брестский договор.

На IV Всероссийском съезде Советов мирный договор был ратифицирован большинством голосов. Левые эсеры потерпели поражение, но остановиться уже не могли. Логика политической борьбы вела их к открытой конфронтации. При всей неоднородности партии социалистов-революционеров и полярности мнений часть руководства взяла курс на срыв достигнутых договорённостей и возобновление военных действий с Германией. Что бы это им принесло, сказать трудно, но позиции большевиков ослабило, вне всякого сомнения. Шла ли в апреле речь только лишь о декларациях, остаётся лишь догадываться, но лидеры левых эсеров, вышедшие в знак протеста из состава СНК, прибыли в Таганрог³⁶⁷, где развили бурную деятельность.

В ЦИК Ук фракция левых эсеров была даже многочисленнее. Но с большевиками безоговорочно солидаризировались социал-демократы, что обеспечивало устойчивое большинство. Впрочем, серьёзным влиянием советское правительство Украины к этому времени уже не обладало. И лидеры левых эсеров взяли курс на бойкотирование работы ЦИК Ук и откровенную его дискредитацию³⁶⁸.

Яхта Колхида (рисунок)

³⁶⁷ В город прибыли члены лево-эсеровского ЦК Камков, Карелин, Штейнберг, Фишман.

³⁶⁸ «В последних числах марта (ко времени переезда Народного Секретариата из Екатеринослава в Таганрог), – пишет Д. Эрде, – левые эсеры уже не входили в Народный Секретариат и оставались в ЦИКУК в качестве безответственной оппозиции... Но, как бы то ни было, Центральный Исполнительный Комитет советов Украины состоял почти наполовину из левых эсеров. Разрыв

Вновь избранному 12(25) марта Народному секретариату социалисты-революционеры немедленно объявили бойкот. Но этим дело не ограничилось. Карелин и Камков сумели убедить военного комиссара Родионова в необходимости ареста народных секретарей и конфискации вывезенных коллегией финансов из Киева ценностей, хранящихся, якобы, в гостинице «Бристоль». Было даже подано письменное заявление. Мотивировали свои действия левые эсеры тем, что «хозяйном народных денег является ЦИК Ук, а не группа, выделенная половиной его».

Вечером 14(27) марта Родионов ввёл в гостиницу караул, который занял все входы и выходы и произвёл обыск. Всю ночь народные секретари, по сути, оставались под домашним арестом. Наутро левые эсеры пошли на попятную. Многие из них посчитали, что зашли слишком уж далеко. К этому времени о происходящем стало известно в Таганрогском Совете, который «с большой неохотой» всё же вмешался в конфликт.

Родионов караул снял. Постановлением исполкома Совета любое вмешательство «во внутренние распоряжения» ЦИК Ук ему было запрещено. Но никакого дисциплинарного взыскания за арест народных секретарей на Родионова наложено не было. Более того, левые эсеры сумели добиться частичного успеха, который косвенно подтверждал «небезосновательность» предъявленных ими обвинений. Обнаруженные ценности были перевезены в банк и для распоряжения ими выделялась коллегия из трёх лиц: от ЦИК Ук, от городского и окружного Советов.

После этого стороны ещё долгое время продолжали обмениваться резолюциями, декларациями и контрдекларациями, тон которых ни в малой степени не напоминал полемику дружественных партий. ЦИК Ук утверждал, что левые эсеры «объекс с ними в обстановке всё обостряющейся гражданской войны грозил опасность нового внутреннего фронта».

После Екатеринославского съезда левым эсерам было предложено взять в новом Секретариате половину портфелей, в том числе пост военного секретаря. В ответ на это предложение левые эсеры потребовали в ультимативной форме портфели финансов, продовольствия, путей сообщения, а также внутренних и военных дел, т.е. фактической передачи им всей полноты власти...» Соглашение, естественно, достигнуто не было.

тивно – ходом событий – стали на путь борьбы с советской властью». В ответ последние заявили следующее: «...вновь образовавшийся 25 марта Народный Секретариат Украины ни в какой мере не является правительством, отражающим во всей полноте волю рабочих и крестьянских масс Украины. Это правительство подобрано по узкофракционному принципу и представляет собою только одну партию большевиков, согласившуюся на капитуляцию перед германским империализмом, принявшую предательский мир, заключённый Центральной Радой с германскими завоевателями, и потому не способную искренно организовать дело революционной борьбы с германским империализмом».

За всем происходящим с нескрываемым злорадством наблюдали из Харькова. «Донецкий пролетарий» писал в те дни: «Что касается ЦИКУК, исполняющего в настоящий момент амплу туриста, то его комично-плачевная роль красноречиво свидетельствует о полнейшем бессилии в области разрешения политических проблем. Наклонности эмигранта, принудившие ЦИКУК, после целого ряда гастролей, бросить якорь успокоения в чуждом его влиянию Ростове³⁶⁹, заранее обрекают все его планы на полнейшую неудачу и разложение. Центральная Рада не считается совершенно с его авторитетом и существованием».

До стрельбы, к счастью, дело не дошло. Стороны, устав от взаимных обвинений, пикетировались всё с меньшим энтузиазмом. В итоге, вялотекущий конфликт постепенно себя исчерпал. Вскоре лидеры левых эсеров перебрались в Ростов. Там, на съезде Советов, они готовились вновь схватиться, пока ещё на полях идеологической войны, с большевиками.

Говорить о каких-либо действиях Народного секретариата в поддержку ведущих военные действия с немцами советских армий в такой обстановке не приходилось. Если что-то и делалось, то эффект был минимальным³⁷⁰. Авторитет и значимость

³⁶⁹ Автор статьи допустил ошибку. На последнем этапе своего существования ЦИК Ук располагался в Таганроге.

³⁷⁰ «...22 марта вечером, – пишет Антонов-Овсеенко, – я ехал экстренно в Екатеринослав, на ст. Синельниково «скрестился» с уезжавшим из Екатеринослава в Таганрог поездом Народного секретариата, с которым выезжал

Советского правительства Украины падали с каждым днём.

В Донревкоме между тем пребывание ЦИК Ук в границах Области без внимания не оставили и отнеслись к происходящему со всей серьёзностью. Формально к этому моменту и Таганрог, и даже Ростов находились на территории сразу двух советских территориальных образований – Украины в целом и Донецко-Криворожской республики. И с этим можно было мириться, если бы ни угрожающе быстрое продвижение немцев. Нетрудно было понять, что пребывание ЦИК Ук в Таганроге являлось косвенным подтверждением принадлежности города к Украине и давало немцам повод занять Таганрог, а возможно, и Ростов.

Указанную угрозу можно было парировать лишь юридическим оформлением суверенитета трансформированного Донревкома в отношении территории бывшей Области войска Донского в целом и Таганрогского округа, в частности. Первоначально это планировалось сделать на съезде Советов, но прибытие ЦИК Ук в Таганрог заставило «ростовских товарищей» поспешить.

8(21) марта Областной ВРК создал Чрезвычайный Штаб Обороны, в который вошли Ф.Г. Подтёлков, И.А. Ермилов, А.Т. Фролов, Василенко, Шамов, Крылов и Я. Антонов. А вскоре опубликовал следующее обращение «Ко всем»:

«23 марта 1918 года.

К рабочим, трудовым казакам, крестьянам, ко всем трудящимся Донской Республики.

Дрогнула, смертельно опечалилась русская и всемирная буржуазия, когда трудовые казаки вместе с крестьянством и рабочими уничтожили на Дону последний оплот контрреволюции...

и военный отдел. Тщетно пытался я задержать хоть сопровождавшую пулемётную команду... Не видели мы на фронтах и делегатов 2-го Всеукраинского съезда советов, – боевой подъём, так резко проявившийся на этом съезде, совершенно не был использован Нарсекретариатом, целиком поглощённым внутренней борьбой (с левыми эсерами)».

Вскоре, в телефонном разговоре с Н.А. Скрыпником Антонов-Овсенко в раздражении заявил, что слагает с себя звание народного секретаря, «ввиду недостойного, перед лицом неприятеля, поведения советского украинского правительства».

Зная, что гибель русской буржуазии есть начало гибели мирового капитализма, германская буржуазия решила поднять, спасти уже поверженную во прах русскую буржуазия и с этой целью бросила на нас банды юнкеров и баронов, чтобы вырвать власть у трудового народа и вернуть землю помещикам, а фабрики и заводы – капиталистам.

Всероссийский Совет Народных Комиссаров, в согласии с III Всероссийским съездом Советов, не мог дать должного отпора такому предательскому нападению и вынужден был для предотвращения гибели завоёванных свобод и нашей Социалистической Республики подписать тяжёлые условия мира с немцами. Но германские империалисты пошли дальше, они заключили с буржуазной Центральной украинской радой... договор, по которому германские белогвардейцы должны захватить весь Юг России, в том числе и Дон...

Такая грозная опасность для дела революции, политическое и военное положение, создавшееся в связи с ратификацией мирного договора и продолжением движения германских войск и банд украинских гайдамаков, продиктовали Донскому областному военно-революционному комитету, который до полномочного съезда Советов является высшей властью на Дону, решение:

Областной военно-революционный комитет декретирует создание Донской Советской республики в ряду других Республик Федеративной Социалистической России и выделяет Совет Народных Комиссаров³⁷¹. Границы этой республики считать совпадающими с прежними границами Донской области,

³⁷¹ В состав Донского СНК вошли: председатель и комиссар по военным делам – Ф.Г. Подтёлков; комиссар по делам управления – М.В. Кривошлыков; комиссар по борьбе с контрреволюцией – Шамов; комиссар по делам народного хозяйства и заместитель председателя – С.И. Сырцов; комиссар труда – И.П. Бабкин; помощник комиссара труда – П.Г. Блохин; комиссар по народному просвещению – И.А. Дорошев; комиссар земледелия – М.Е. Власов; комиссар финансов – Е.А. Болотин; комиссар путей сообщения – П.Е. Безруких; комиссар почты и телеграфа – Александров; комиссар по делам призрения – П.П. Жук; управляющий делами СНК – А.И. Орлов.

впредь до соглашения с соседними советскими органами и центральной советской властью³⁷².

Областной военно-революционный комитет поручает своему Совету Народных Комиссаров принять все меры к установлению тесной связи с советскими организациями Донецкой республики, Украинской, Кубанской области, Терской, Ставропольской, Черноморской и Таврической республики и Царицына для согласования действий в общем деле обороны и борьбы за социализм, за Советскую Республику против германско-украинской и русской буржуазии и для создания из этих органов объединённой республики.

Мощное усилие, отчаянное напряжение всех сил, неуклонная борьба с германо-украинскими и русскими хищниками даст возможность спасти Советскую Республику и дожидаться помощи от международного пролетариата, который находится накануне революции...»

Несмотря на воинственный тон, этот документ помимо прочего призван был донести до немцев следующую мысль: «Мы Дон, мы не Украина. И германская армия согласно Брестскому договору не должна и не может вторгаться в наши пределы». Но вместе с тем проглядывало и другое. Среди ростовских советских работников, и большевиков, в том числе, широко распространилось мнение, что «революционная» война с немцами «в обход Брестского мира» не только возможна, но и необходима. Предполагалось при этом, что «свою» республику казаки будут защищать с большим энтузиазмом, и, уж во всяком случае, удастся поднять их на борьбу с немцами.

17(30) марта на заседании Ростовского Совета Сырцов выступил с докладом, в котором обосновывал целесообразность образования республики. «Донская республика, – говорил он, – необходима для того, чтобы выбить у германцев и австрийцев ту платформу и основания, что они со своими войсками идут на

³⁷² Как видно, к определению границ вновь создаваемой республики подходили с осторожностью. В то же время, давалось ясно понять, что вопрос о принадлежности Таганрогского округа к тому или иному территориальному образованию остаётся открытым, и Донскому правительству это, по меньшей мере, безразлично.

помощь к самоопределению. Мы должны им сказать: мы самоопределились и вам у нас делать нечего³⁷³».

В Совете доклад Сырцова возражений не вызвал. Была принята следующая резолюция: «Заслушав и обсудив доклад об образовании Донской Республики, Совет Рабочих Депутатов считает мотивы, продиктованные политическими и военными соображениями, вполне правильными... Будущее строение Совет мыслит, как объединение южных Республик. Очередной задачей пролетариат ставит мобилизацию всех революционных сил для вооружённого отпора германской и украинской буржуазии».

Как явствует из текста резолюции, Совет шёл даже дальше Донревкома. О войне говорилось почти как о свершившемся факте. Более того, предполагалось объединить военные ресурсы «южных республик»: Советской Украины, Донецко-Криворожской республики, Дона, а, возможно, и Кубани.

И это не было пустыми словами. ЦИК Ук, стремясь сохранить за собой хоть какую-то территорию, пытался втянуть в противостояние с немцами новые свежие силы. «Вестник Украинской Народной Республики» писал в те дни: «Донецкая Республика, Таврическая республика уже объединены с Украиной общими задачами борьбы с Центральной Радой и её карательными экспедициями».

Теперь очередь за Донской республикой, которой следует, помимо прочего, помнить, что разбойничья Рада покушается на часть Донщины, в частности, и на Таганрог с окрестностями, включённые по III универсалу Центральной Рады в состав Украины.

³⁷³ Любопытный комментарий к его словам сделал И.П. Борисенко. «Если вдуматься в этот аргумент, – писал он, – то нетрудно будет понять, что в нём сквозила, может быть и неосознанная тенденция уступки «самобытной» психологии казаков, которые, мол, лучше будут защищать свою родину, если она «самоопределилась». Надежда всколыхнуть казачество на борьбу с внешним врагом и таким образом фактически обойти Брестский мир продолжением революционной борьбы, бесспорно сидела в душе ряда советских руководителей Дона, – именно с этими мыслями многие из них объявили Республику. И далее эта тенденция будет сопровождать деятельность руководящих органов республики, вплоть до её падения, а особенно резко она вырвется открыто наружу после Областного съезда Советов...»

Поэтому, приветствуя Советскую Донскую республику, мы по-братски кидаем ей клич:

– *На общую борьбу с общим врагом! На защиту советской власти – против разбойников империализма!*»

В середине (конце) марта ЦИК Ук, в том числе, и для разрешения этого вопроса направил в Москву чрезвычайное посольство³⁷⁴. На совместном заседании, проходившем 21 марта (3 апреля) под председательством Ленина, Скрыпник огласил Декларацию Советского правительства Украины. После чего Совнарком приветствовал Народный секретариат и выразил «своё восторженное сочувствие героической борьбе трудящихся и эксплуатируемых масс Украины, являющихся в настоящее время одним из передовых отрядов всемирной социальной революции».

Но дальше «восторженного сочувствия» дело не пошло. В Кремле не без основания полагали, что какое-либо объединение Украины с российскими южными республиками может спровоцировать вторжение германских войск на Дон и Кубань. Возобновление же военных действий с немцами ничего хорошего не сулило. Естественно, Совнарком делал всё возможное, чтобы этого не допустить и решительно протестовал «против политики втягивания Донской республики в войну с Германией, а также против военного союза южных республик».

Тем не менее 22 марта (4 апреля) на заседании СНК Донской республики делегация Украины внесла предложение о совместной организации обороны и народного хозяйства. В тот же день нарком по делам национальностей И.В. Сталин, не скрывая раздражения, заявил следующее: «Мы все здесь считаем, что ЦИК Украины должен, морально обязан покинуть Таганрог и Ростов. Достаточно играли в Правительство и Республику, кажется, хватит, пора бросить игру».

Столь бестактный, граничивший с оскорблением тон, ставящий правомочность Советского правительства Украины под сомнение и, между прочим, демонстрирующий истинное

³⁷⁴ В его составе Н.А. Скрыпник, Ю.М. Коцюбинский, Н. Врублевский.

отношение, по крайней мере, части народных комиссаров к происходящему вызвал оторопь и возмущение у многих. 24 марта (6 апреля) Скрыпник направил в Совнарком ноту протеста³⁷⁵.

Но все понимали, что ЦИК Ук находится не в том положении, чтобы вопреки воле Совнаркома, сколачивать военные блоки. Впрочем, левые эсеры отступить не собирались. Вопрос оставался открытым и вскоре нашёл своё разрешение на Донском съезде Советов.

Следует заметить, что ещё ранее обеспокоенность пребыванием ЦИК Ук в Таганроге начал проявлять городской Совет. Хотя Таганрогский округ и не был прямо упомянут в III Универсале и гипотетические притязания Рады были бы весьма спорны, местные советские работники считали, что во избежание германского нашествия лучше было бы заявить о принадлежности округа Донской республике.

Для ЦИК Ук решающего значения это в момент, когда всё готово было рухнуть, не имело, и 17(30) марта им было принята «Декларация о самоопределении Таганрогского округа»³⁷⁶. На

³⁷⁵ В ней, в частности, говорилось: «Мы должны заявить самый решительный протест против выступления наркома Сталина. Мы должны заявить, что ЦИК Советов Украины и Народный секретариат имеют источником своих действий не то или иное отношение того или иного наркома Российской Федерации, но волю трудящихся масс Украины, выразившуюся в постановлении II Всеукраинского съезда Советов. Заявления, подобные сделанному наркомом Сталиным, направлены к взрыву Советской власти на Украине и не могут быть допускаемы со стороны представителей Советского правительства соседней республики... Дружественное отношение, к которому обязался Совет Народных Комиссаров Российской Федерации по отношению к Украинской республике, требует недопущения заявлений, направленных к взрыву Советской власти на Украине и прямо способствующих врагам украинских трудящихся масс».

Сталин, болезненно воспринимающий любой выпад против своей личности, о протесте Скрыпника, конечно же, не забыл. Спустя двадцать лет следователи НКВД напомнили о нём на допросах многим членам бывшего ЦИК Ук.

³⁷⁶ В ней, в частности, было прописано следующее:

«Российская республика переживает период создания, развития и укрепления советской власти. Административные деления царской России идут насмарку. Их сменяют и должны сменить новые деления, построенные не на

словах народный секретарь по хозяйственным делам А.С. Бубнов пояснил: «...трудовое казачество – наш молодой союзник и что если какая-нибудь область или город пожелает образовать самостоятельную республику, то мы при определённых условиях препятствовать не будем. Вместе с тем, мы должны сказать молодому казачеству Дона, что Центральная Рада, безусловно, будет притязать на Таганрогский округ, и, следовательно, борьба неизбежна».

Весьма туманное «разъяснение» ещё в большей степени встревожило депутатов Таганрогского Совета, и уже 22 марта (4 апреля), обсудив вопрос о самоопределении округа, они решительно высказались за присоединение его к Донской Советской республике.

Возникшая проблема так и осталась неразрешённой. Ещё 27

основе полицейского усмотрения, а на принципе свободного строительства народами и нациями России своей культурной и экономической жизни. Образуется ряд республик, вольных городов, между которыми нет и быть не может никакой вражды и которых самым тесным образом связывает общность борьбы с классовыми врагами рабочих и крестьян...

Исходя из вышеизложенного, ЦИК Украинской республики, заслушав представителей Донской Советской республики по вопросу о том, входят ли Таганрогский и Ростовский округа в состав первой или согласно III универсалу являются территорией Украинской Советской республики, заявляет, что для Украинской Советской республики ни в какой мере не обязательны универсалы Центральной Рады, действующей по указанию разбойников германского империализма, и что Советская рабоче-крестьянская Украина никогда не претендовала и не претендует на территории, входящие в Донскую область и теснейшим образом в культурном и экономическом отношении с ней связанные.

Решение вопроса о принадлежности Ростовского и Таганрогского округов к той или иной советской республике подлежит самым широким трудящимся массам, населяющим эти округа, и должно быть поставлено на рассмотрение съезда советов Донской республики. Что же касается вопроса о пребывании ЦИК советов Украины в Таганроге, то украинское рабоче-крестьянское правительство считает необходимым заявить, что этот шаг ни в коем случае не может быть истолкован, как намерение посягнуть на округа, население которых ещё не установило в окончательном виде своего отношения к той или иной местной борьбе против общего врага, идущего на Украину и Донскую республику, против капиталистов, помещиков и разбойничьих банд австро-германского империализма».

Под «вольным городом» подразумевался, видимо, Таганрог.

января Совнарком опубликовал «Декрет о порядке изменения границ губерний, уездов и волостей», который предоставлял право на урегулирование подобных споров местным органам власти. В подобном духе Кремль и действовал. Во всяком случае, конкретных директив о принадлежности Таганрога к Дону или Украине им дано не было.

Впрочем, вопрос вскоре потерял свою актуальность. Немцы заняли и Таганрог, и Ростов, и кому они должны принадлежать, пытались выяснить в споре между собой уже другие люди и другие правительства.

Перед Советами Дона неожиданно встала во весь рост куда более серьёзная проблема. Едва поражение вполне определилось, с фронта на восток покатались эшелоны анархистов. Десятки отрядов и отрядиков, никем не контролируемых, никому не подчиняющихся, спешили покинуть зону боевых действий³⁷⁷. Часть из них проследовала далее, на Царицын, часть расформировалась, но многие, сохранив внутреннюю организацию и вооружение, оседали в городах. Здесь, на почве «самоснабжения» неизбежно возникали конфликты с местной властью.

И первый, получивший широкую огласку, случился в Таганроге. В середине марта (первых числах апреля) в город прибыла так называемая «Вольная боевая дружина» небезызвестной Маруси³⁷⁸. Бойцы отряда успели приобрести столь непригляд-

³⁷⁷ «...ехали с оружием, тысячами, – вспоминает Н. Ракитин, бывший в то время комендантом участка железной дороги, – спаянные в одно погоней за наживой, падкие на разгром, обнаглевшие от безлюдья и беззащитности крошечных станций, затерявшихся в астраханских степях.

Во всех разгромах, «даёшь паровоз» и «крути, Гаврила» первую скрипку играли тучи «братуш».

Откуда их столько набралось?

Словно две трети царской армии состояли из матросов...»

³⁷⁸ Мария Григорьевна Никифорова, 1885 г.р., дочь офицера, участника русско-турецкой войны 1877–88 гг., примкнула к анархо-коммунистам в 16-летнем возрасте. В 1908 г. за участие в убийстве исправника была приговорена к 20 годам каторги. Из Сибирского поселения сумела бежать в Японию. Затем переправилась во Францию. С началом Великой войны поступила в Парижскую военную школу, окончив которую, получила офицерское звание.

ную репутацию, что городской Совет не стал дожидаться погромов и грабежей и действовал решительно. К этому времени в Таганрог из-под Полтавы и Екатеринослава отступили разрозненные советские отряды, остатки гарнизонов и киевская Красная гвардия. Вместе они составили значительную силу. Эти подразделения, сохранившие дисциплину и боеспособность, и составили впоследствии ядро так называемого «таганрогского полка», командовал которым пользовавшийся непрерываемым авторитетом А. Каска.

На рассвете отряд Маруси был по указанию Совета полком Каски блокирован и разоружён, а сама Никифорова арестована.

После февраля 1917 г. вернулась в Россию, где продолжала заниматься революционной деятельностью. Во время июльских событий 1917 г. в Петрограде возглавила делегацию столичных анархистов в Кронштадт, где в ряде выступлений пыталась склонить матросов Балтфлота к вооружённому выступлению.

После занятия Александровска в январе 1918 г. некоторое время являлась заместителем председателя Ревкома городского Совета. Высокий авторитет Никифоровой, как одного из руководителей анархистских групп и организаций, позволили ей организовать крепко сколоченный отряд в несколько сот штыков, принимавший участие в боях с Радой, а затем, и с немцами.

Широкую известность отряд приобрёл после событий в Елисаветграде. Его присутствие позволило Красной гвардии и рабочим дружинам практически бескровно взять власть в городе. Однако сразу после этого бойцы отряда приступили к разгрому магазинов и конфискации товаров с раздачей части их населению. Городской Совет потребовал удаления анархистов. Поскольку советских войск в городе было во много раз больше, Никифорова вынуждена была подчиниться.

Вскоре, пользуясь вызванной германским вторжением эвакуацией, меньшевикам и правым эсерам удалось создать «Временный комитет революции», взявший власть в свои руки. Красная гвардия под командованием Беленковича была окружена на вокзале и вскоре из Елисаветграда вытеснена. Автомобиль Никифоровой, которая производила в городе «необходимые закупки», был обстрелян. Сама она получила лёгкое ранение, после чего «Вольная дружина» вошла в Елисаветград. Завязались ожесточённые уличные бои, продолжавшиеся 3 дня. «Временный комитет революции», под лозунгом «Долой анархию», привлёк на свою сторону многих горожан, солдат из окрестных деревень и даже немалую часть рабочих, возмущённых пьяными дебошами, грабежами и погромами, учинёнными анархистами в период их первого пребывания в городе. Лишь подход новых свежих сил, бронепоезда Полупанова и отряда Сиверса, и личное руководство Муравьёва обеспечили Советам победу. 28 февраля (13 марта) Елисаветград был занят, однако авторитет Советской власти оказался в значительной степени подорванным.

на. Но тут за неё вступились левые эсеры и даже часть народных секретарей. Решающей оказалась позиция Антонова-Овсеенко. Видимо, он чисто по-человечески симпатизировал этой отчаянной женщине, но, возможно, впрочем, хотел сохранить для фронта сложившуюся боевую единицу. Так или иначе, но Главковерх «в решительных выражениях» высказался против ареста Никифоровой и разоружения её бойцов, которых характеризовал как «боевой отряд, только что проявивший большую доблесть на Южном фронте и, не в пример прочим, шедший в Таганрог с разрешения Главштаба, на пополнение³⁷⁹».

М.Г. Никифорова

В результате, под председательством Лапчинского была сформирована следственная комиссия из двух таганрогских большевиков, двух представителей федерации анархистов и одного представителя ЦИК Ук. Разбирательство оказалось непродолжительным. Комиссия постановила считать задержание Никифоровой «прискорбным недоразумением» и потребовала немедленного её освобождения. Соответствующее постановление без возражений утвердили председатель Таганрогского Совета Иванцов и председатель ЦИК Украины В.П. Затонский.

На этом инцидент был исчерпан. Отряд Никифоровой, получив назад своё вооружение, выехал, как свидетельствует Антонов-Овсеенко на фронт, в пехотное прикрытие бронепоезда Полупанова. А Таганрогский Совет распорядился выставить на станции Марцево красногвардейский заслон и подозрительные эшелоны пропускать сразу на Ростов без захода в Таганрог. И в дальнейшем каких-либо новых серьёзных «недоразумений», связанных с пребыванием в городе анархистов, не было.

Иная ситуация наблюдалась в Ростове. Здесь соотношение

³⁷⁹ Следует отметить, что причину разоружения Антонов-Овсеенко объяснял не желанием Совета предупредить возможные эксцессы, а едва ли не инициативой красногвардейцев Каски, которые, якобы, «соблазнились хорошим вооружением» анархистов.

Казаки-агитаторы. Слева направо Кандауров, Д.И. Рябышев, Кондратьев

сил из-за наплыва анархистов складывалось не в пользу городских властей. И дело не только в преподанном Каской уроке. Командиры анархистских групп, прекрасно ориентировавшиеся в политических реалиях, понимали: где останутся немцы – неизвестно, но при всём при том, вероятность продвижения их к Ростову всё же намного меньше, чем занятие Таганрога. Учитывалось, по-видимому, и то, что отступить при необходимости из прибрежного города было неизмеримо труднее.

Так или иначе, но уже с середины (конца) марта отряды анархистов, а позже и покидающие рассыпающийся фронт расстрёпанные советские подразделе-

ния стали оседать в Ростове. Едва ли не десяток их эшелонов стал на путях в районе вокзала. Точное количество вооружённых людей, зачастую непонятного статуса и подчинения, определить, конечно, невозможно, но одно несомненно. Под конец их общая численность по меньшей мере была сопоставима с боевым составом ростовской Красной гвардии и милиции.

Позиция Ростовского СНК, не возражающего против пребывания анархистов в городе, определялась двумя факторами. Во-первых, это были всё же «революционные» части, которые, как предполагалось, при необходимости можно было бы двинуть как против внешнего, так и внутреннего врага. Во-вторых, любое обострение отношений с анархистами могло вылиться в вооружённый конфликт, чего ростовское руководство стремились избежать.

Складывающуюся ситуацию И.П. Борисенко характеризует

так: «Вся область представляла из себя пёстрый военный лагерь. В городах стояли десятки различных Красных отрядов, в большинстве случаев разложившихся бандитствовавших, много требовавших на своё содержание³⁸⁰ и отказывавшихся под разными предлогами выступать на фронт. Росло мародёрство, нападения и грабежи...

...весь юго-западный угол Дона и, в особенности, Ростов наводнялись потерявшими боеспособность частями, которые сыграли большую роль в деле ослабления сопротивляемости Донской Республики и местной контрреволюции. Весь апрель Ростов жил под постоянной угрозой внутренних беспорядков, грабежей и налётов, чинившихся анархистствующими элементами, состоявшими в красных частях и не желавшими никому подчиняться. При просмотре комплекта апрельских газет, например, «Известий», чуть ли не в каждом номере Вы встретите приказы, обращения, статьи и.т.д., связанные с эксцессами, дезорганизовавшими город...»

Дальше обращений дело, видимо, не шло, так как эксцессы не только не прекращались, но становились лишь более масштабными. Если поначалу обыски и экспроприации проводились при получении от Совета соответствующего мандата и носили единичный характер, то вскоре уже многочисленные вооружённые группы действовали безо всякого мандата и поставили дело на поток. Активизировались и откровенные бандиты³⁸¹. Не случайно впоследствии подвергся нападению и был разгромлен ростовский уголовный розыск.

Милиция перед вооружёнными до зубов организованными отрядами зачастую оказывалась бессильной³⁸². Связываться с

³⁸⁰ Судя по всему, практически все «бойцы» продолжали стоять на довольствии и через военное ведомство либо по советской линии получали вполне приемлемый по меркам военного времени паёк.

³⁸¹ Н.Л. Янчевский называет имена командиров увлечёвшихся реквизициями отрядов – Васильев, Барон и Маруся Никифорова. Последняя, видимо, недолго прикрывала бронепоезд Полупанова.

³⁸² 31 марта (13 апреля) был издан и опубликован следующий приказ: «Во многих местах остаётся прежняя милиция, по своему личному составу ничем не отличающаяся от старой полиции. Поэтому вся прежняя милиция в полном составе упраздняется и объявляется при местных Советах набор но-

анархистами и принять решительные меры власти не решались. Но, как ни странно, нашлись в затаившемся городе силы, которые попытались, и безуспешно, оградить население от бандитов.

Экипаж яхты «Колхида» объявил себя «Речной милицией» и решительно встал на защиту горожан. В Совете этому обстоятельству были только рады, сил, способных поддерживать правопорядок, не хватало катастрофически. О побудительных стимулах моряков сейчас остаётся только догадываться³⁸³. Но у современников сложилось устойчивое впечатление, что действовали они бескорыстно, по велению совести, и действовали решительно и смело.

«Город был во власти вооружённых, разнузданных и дезорганизованных людей, – писал Н. Туземцев³⁸⁴. – Вдруг, стоустая молва разнесла слух, молнией облетевший город, что матросы с канонерской лодки «Колхида» взяли на себя охрану мирного населения от грабежей и насилий.

С трудом верилось в подобную возможность. У всех в памяти свежи были деяния «красы и гордости русской революции» в Гельсингфорсе, Кронштадте, Севастополе и других городах. Даже самое слово «матрос» произносилось с ужасом. А здесь вдруг говорят о матросах, защитниках граждан от насилий.

«Крокодил в роли бонны».

Однако через некоторое время даже самые недоверчивые поверили, что есть матросы и матросы.

По улицам города часто носится серый автомобиль, наполненный вооружёнными людьми в матросских куртках и бескозырках с сурово-сосредоточенными лицами. Это колхидцы спешили к вызывавшим к ним о помощи.

вой милиции, куда могут поступать надёжные лица, стоящие на защите прав трудового народа.

Народный комиссар по управлению М. Кривошлыков».

Нетрудно догадаться, что после этого от большей части знающих опытных кадров поспешили избавиться, а их место заняли едва ли не случайные люди.

³⁸³ Вероятно, помимо прочего, сказалось и влияние В.Ф. Зеелера, назначенного в своё время Калединым командиром судна.

³⁸⁴ «Донская волна» № 8 от 29.07.18.

В любое время дня и ночи «Колхида» шла на помощь, не считаясь с силами бандитов. Матросам только важно было услышать или узнать по телефону, что над кем-нибудь чинят насилия или кого-нибудь грабят, и они уже были там...

Даже сами всесильные комиссары, жившие в «Палас-Отеле», однажды вызывали к себе «Колхиду»:

– Приезжайте, мы в опасности...

Как ни странно, но многотысячные банды красноармейцев считались с маленькой кучкой колхидцев. Вероятно, и они были под гипнозом страшной славы российских моряков. Одного появления матросов достаточно было, чтобы делавшие «обыск» красноармейцы, беспрекословно прекращали свою работу и уходили...

Доверие комиссаров и штабов большевистских к колхидцам было огромно...

Признательные граждане пробовали награждать самоотверженных героев деньгами, но матросы отказывались, гордо заявляя, что они работают не за деньги...

Пройдут годы, восстанет из пепла обновлённая Россия и с мрачной страницы истории Российского флота за 1918 г. на читателя скромно, но многозначительно блеснут несколько строк о канонерской лодке «Колхида». Единственные светлые строки³⁸⁵.

Но как бы ни были успешны действия моряков и других подразделений городской милиции, кардинально изменить общий удручающий фон они не могли. В то самое время, когда предотвращалась одна «незаконная» экспроприация, рядом совершались десять. К тому же многие обыски были вполне «законны». Проводившие их вооружённые люди располагали всеми необходимыми для их проведения документами.

Постепенно эффективность реквизиций, как средства обо-

³⁸⁵ Даже, если учесть, что эти строки – субъективная оценка журналиста, следует не забывать, что впоследствии роль экипажа «Колхиды» в поддержании правопорядка в городе не ставилась под сомнение даже и советскими источниками. И то, что действия моряков не получили широкой огласки, объясняется не недостатком информации, а участием части их в выступлении против Советов.

гащения, привела к тому, что в «дело» оказались втянуты сотни людей. В какой-то момент их уже не удовлетворяли доходы от реквизированного имущества обывателей. Многих представителей чудом уцелевшей мелкой и средней буржуазии обыскивали по нескольку раз, всё ценное давно уже было изъято и реализовано. В рабочие кварталы «братва» по понятным соображениям не заходила, да и пожить там было нечем.

Неудивительно, что, в конце концов, уверившись в безнаказанности, посягнули на имущество структур, в той или иной степени связанных с властью. И нападение на обосновавшийся в Ростове «Румчерод» было логическим развитием разраставшейся анархии. Охрана и сотрудники были разоружены, денежные средства изъяты.

25 марта (7 апреля) Донской СНК, Ростовский Совет и Дон-облвоенком выступили с совместным заявлением, в котором говорилось: «6-го апреля Исполнительному Комитету Совета Рабочих Депутатов, а за ним и Донобл. В.Р.К. и Совнаркому стало известно, что днём 6-го апреля «Румчерод» (ЦИК Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы) подвергся нападению кучки неизвестных лиц, которые, прикрываясь именем Военно-Революционного Комитета, захватили оттуда кассу с деньгами, продукты и арестовали целый ряд членов «Румчерода». Далее, Исполнительному Комитету стало известно, что помимо и тайно от местной Советской власти организована какая-то вооружённая организация, как потом выяснилось, почему-то назвавшаяся «гарнизонным собранием», и что эта тайная организация намерена устроить налёт также на Исполнительный Комитет и Дон. Обл. В.Р.К. и арестовать целый ряд старых испытанных борцов исключительно большевиков и левых социал-революционеров».

Были ли запланированы новые налёты, неизвестно. Но в СНК почувствовали, наконец, угрозу своему существованию. Место пребывания «кучки неизвестных лиц» секретом не являлось. «Кучка», несколько сот вооружённых до зубов анархистов,

располагалась в доме бывшего французского консульства, куда и свозилось всё награбленное.

По постановлению президиума исполкома в тот же день была предпринята попытка разоружения бандитов. Но когда к зданию прибыл председатель военного отдела Ростовского исполкома Ф.М. Зявкин с незначительным отрядом и попытался окружить особняк, выяснилось, что перевес в силах явно не на стороне представителей власти. В итоге Зявкин был избит и «чуть было не был поставлен «к стенке». Отряд его ретировался.

«...закончилась эта история, – пишет И.П. Борисенко, – вместо арестов и наказаний «кучки» мирной ликвидацией «инцидента», – Советские власти... решили революционным словом подчинить себе вздумавших было ослушаться Советскую власть лиц³⁸⁶». Для этой цели было созвано специальное заседание Исполкома совместно с представителями заводов и всех красноармейских частей, которые, декларировав «всю полноту единственной власти в руках Облвоенкома и Исполкома – Ростовского Совета», в отношении участников налёта заявили: «Все принявшие участие в происшедшем печальном инциденте группы и лица обязаны приложить все усилия к немедленному восстановлению в городе революционного порядка».

Как видно, никто из «экспроприаторов» не только не был наказан, но и в их отношении даже не было выдвинуто каких-либо обвинений. Возможно, власти не хотели накалять обстановку перед открытием съезда, либо посчитали, что дальше анархисты уже не зайдут. Не исключено, впрочем, что не были собраны достаточные силы.

Так или иначе, но, уверенные во вседозволенности, лидеры анархистов организовали демонстрацию, проходившую под лозунгом «Анархия – мать порядка». Видимо она не была всё же прелюдией переворота, скорее, организованные бандитству-

³⁸⁶ Эта и последующие цитаты – из информационной статьи, напечатанной в № 10 «Известий Ростово-Нахичеванского Совета Рабочих Депутатов» от 28 марта (10 апреля) 1918 г.

ющие группы, уже не представлявшие своё существование без повседневных реквизиций, стремились узаконить свои действия.

В Донском СНК, наконец, сообразили, что «эксцессы» приняли такие масштабы и втянули «в дело» столько, соблазненных лёгкой наживой людей, что угрожали уже личной безопасности руководящих работников и вполне могли привести к захвату анархистами власти в городе. И ждали лишь повода, чтобы принять решительные меры.

Вечером 31 марта (13 апреля) многочисленная банда попыталась произвести очередную масштабную экспроприацию³⁸⁷. Акция с самого начала сопровождалась стрельбой. Кому-то из потерпевших удалось дозвониться на «Колхиду». Прибывшая горстка моряков оказалась лицом к лицу не с «кучкой неизвестных лиц», а с многочисленным отрядом. На одного матроса приходилось до двадцати вооружённых до зубов бандитов. После переговоров «речная милиция» была разоружена³⁸⁸.

Но это был последний успех анархистов. В Совете и «Палас-отеле» успели подготовиться. С утра 1(14) апреля³⁸⁹ отряды Красной гвардии и рабочие дружины взяли ситуацию под контроль. Тут и там были произведены многочисленные аресты. Разбросанные по всему городу, не ожидавшие, что власти могут действовать столь быстро, организованно и решительно, отряды анархистов серьёзного сопротивления не оказали.

В своём воззвании Исполнительный Комитет Ростово-На-

³⁸⁷ Источники не сообщают, какие именно объекты подверглись нападению, но, по-видимому, это были магазины и учреждения, расположенные на Большой Садовой.

³⁸⁸ «Только однажды, – пишет Н. Туземцев, – матросы были разоружены, да и то, кроме одного, заявившего, что он только мёртвым сдаст винтовку. Но тогда против двенадцати матросов было более двухсот бандитов с бомбами и пулемётами».

Своё отношение к экипажу «Колхиды» и косвенное признание того, что горстка моряков сумела так им досадить, анархисты не скрывали. 9(22) апреля в газете «Вольная Коммуна», органе группы И.В.К. анархистов, было опубликовано следующее: «Как бы ни сортировали, очищали, какие бы рекомендации и преграды не ставились для поступления в милицию, она всегда будет контрреволюционна... Пора уничтожить этот остаток керенщины... Пора».

³⁸⁹ В день завершения работы съезда Советов.

хичеванского Совета, призывая рабочих взяться за оружие, общал: «Сплотившиеся вокруг Новочеркасской контрреволюции генералы овладели городом и вынудили советские войска отступить. Теперь эти негодяи ведут наступление на Ростов. А здесь в Ростове банды хулиганов, прикрываясь именем анархистов, ложно называя себя революционерами, творят своё гнусное дело провокации. Тесная связь событий с походом калединцев несомненна. Когда в субботу вечером на Большой Садовой раздались первые выстрелы, повлекшие за собой жертвы, и когда, вслед за этим, некоторые отряды красноармейцев начали, несмотря на категорические запрещения исполнительного комитета, несмотря на несомненное наличие провокации, разоружать милицию, – в это самое время наши отряды отступали из-под Новочеркасска. Они требовали помощи, но им помощи не дали, ибо те, кто могли дать помощь, были заняты разоружением милиции. В ночь на воскресенье было решено покончить с бандитами, пришли рабочие, пришли представители Советских революционных войск и предложили свои услуги разделиться с теми, кто сознательно или бессознательно играет на руку контрреволюции.

В воскресенье утром несколько десятков человек, в том числе ряд главарей, были арестованы, остальные, побросав оружие, разбежались...

Таково, товарищи, положение дел.

Опасность велика. Революции на Дону грозит гибель. Придёт конец Советской власти, если мы все как один не станем на её защиту...

Пусть товарищи екатеринодарцы послужат для нас образцом...

Не медля ни минуты, вооружайтесь, организуйтесь, приходите в Палас-отель, где помещается Временное правительство Донской республики...

В момент опасности нельзя оставаться у станков. Все, имеющие оружие, берите его в руки и приходите в Совет. Все способные владеть оружием, все признающие и борющиеся за власть Советов, приходите с оружием!

Надо поднять на ноги всех, ибо иначе погибнет революция! Советская власть в опасности! К оружию, товарищи!³⁹⁰»

О дальнейшей судьбе арестованных главарей ничего неизвестно. Вероятно, кого-то расстреляли. Остальных отпустили. Окопавшиеся на вокзале вооружённые отряды, в том числе, и анархистские, разоружать, конечно, не стали. В преддверии неизбежного подхода немцев оставлять город без гарнизона, пусть даже и в значительной мере разложившегося, было невозможно. Дипломатично указав, что их именем прикрывались «банды хулиганов», Совет заранее снимал с анархистов все возможные обвинения.

Следует отметить, что много ранее начали съезжаться на Дон и люди, вполне лояльные по отношению к Советам и, в большинстве, пошедшие с большевиками до конца. Ещё с декабря 1917 г. Казачий отдел ВЦИК начал отправлять в Донскую область агитаторов из своего состава, но поначалу их деятельность носила едва ли не случайный характер. В это же время из казаков 1-го, 2-го, 4-го, 14-го и 17-го Донских полков, дислоцированных либо в самом Петрограде, либо в его окрестностях, казак А. Мирошниченко³⁹¹ организовал так называемый «Отряд защиты прав трудового казачества».

К этому времени, в связи с Каменским съездом, ситуация резко изменилась. Из отряда Мирошниченко была отобрана партия агитаторов³⁹² и в январе 1918 г. направлена на Дон. В Каменской все они поступили в распоряжение Донревкома. Председатель окружного большевистского комитета Е.А. Щаденко предложил прибывшим казакам сдать винтовки, разбиться на группы по 3–4 человека и выехать по разным маршрутам.

Столь масштабное мероприятие, в ходе которого агитационная работа проводилась в десятках станиц при преимущественно сочувственном отношении фронтового казачества,

³⁹⁰ «Известия Ростово-Нахичеванского Совета Рабочих Депутатов» от 3(16) апреля 1918 г.

³⁹¹ Участвовал в аресте не успевших, либо не пожелавших скрыться, членов Совета Союза Казачьих войск.

³⁹² Партия насчитывала более 100 человек. Старшим был выбран Д.И. Рябышев.

сыграло определённую роль в срыве мобилизационных планов Каледина, а позднее и Назарова и ускорило падение Войскового правительства.

После занятия Ростова казаков-агитаторов продолжали использовать в тех же целях, но к середине марта (начале апреля) положение вновь стало меняться. Недовольные Советами казаки оказывались зачастую невосприимчивыми к старым лозунгам и призывам. Последний свой выезд группа Рябышева³⁹³ должна была совершить по маршруту Большая Мартыновка – Большая Орловка – Константиновская. Агитация на этот раз была куда менее успешной.

Возвращаться в Ростов через Богаевскую было уже небезопасно, и агитаторы решили добраться до Царицынской ветки и оттуда следовать по железной дороге. Заехали в лежавшую на пути станицу Екатерининскую. В ней в это время собрался сход. Тысячи казаков заполнили станичную площадь. Выходили один за другим ораторы и в резких выражениях критиковали Советскую власть. Рябышев попытался было выступить, но ему не дали говорить. Вместе с товарищами прямо на митинге был арестован и посажен под замок. Однако вскоре их вывели и отпустили. От расстрела агитаторов спасло, по-видимому, то, что сами они были казаки и время большой крови ещё не пришло.

Казаки в станицах в большинстве уже успели надеть погоны. Вооружёнными отрядами ополчения командовали офицеры из местных. Вместе с тем, в Константиновской стояли два полка 2-й и 9-й Донские, считавшиеся «революционными». В Екатерининской продолжал существовать станичный Совет, который и выделил агитаторам лошадей. В Белокалитвенской, только что пережившей набег казачьего отряда, им удалость сесть на паровоз, следующий в Новочеркасск.

Обо всём увиденном Рябышев доложил Подтёлкову, после чего большую часть агитаторов направили на курсы политграмоты. Через несколько дней начальник курсов А.А. Френкель

³⁹³ В состав группы входили он сам, а также бывшие его сослуживцы, казаки Кандауров и Кондратьев.

предложил вновь проследовать в округа для проведения агитационной работы³⁹⁴. «Я отказался выехать в станицы, – пишет Рябышев, – считая, что в тех условиях надо было защищать Советскую власть, прежде всего оружием. Дмитриев, Нефёдов и я обратились в Военно-революционный комитет с настоятельной просьбой организовать из политкурсантов отряд, вооружить его и направить в станицы. Вскоре такой отряд был создан. В него вошли 103 человека, все члены партии большевиков.

Отряд вооружили винтовками, пулемётами, назвали его «Революционным агитационным отрядом словом и делом». Командиром отряда избрали меня. Через некоторое время мне пришлось отказаться от этой должности, так как не имел достаточного военного образования. Командиром отряда избрали Пономарёва, казака Романовской станицы, меня же – членом отрядного совета».

Бойцы отряда присутствовали на заседаниях съезда Советов в качестве «гостей». Делегатам давалось понять, что Советов в Ростове есть кому защитить. После съезда отряд направили в Новочеркасск. Допускать там длительное пребывание «революционных матросов», занявших город, власть по понятным соображениям не желала. Какая-либо крупная экспроприация могла спровоцировать массовое выступление, которого старались избежать³⁹⁵. Замена анархистов отрядом казаков представлялась, да и была таковой в действительности, не худшим вариантом.

В городе отряд обеспечивал порядок. Вплоть до эвакуации

³⁹⁴ Удивительно, но Френкель, впрочем, как и другие руководящие работники, просто не представляли, в какой степени распространилось недовольство. В том, что время агитации прошло, он вскоре убедился на собственном опыте, и едва не поплатился за свою беспечность головой.

³⁹⁵ Любопытное объяснение передислокации отряда из Ростова в Новочеркасск приводит Рябышев. «...контрреволюционные элементы, – пишет он, – организовали в Новочеркасске провокационные вылазки, заставили офицерских жён под видом работниц собираться толпами на улицах и требовать хлеба, мануфактуры, выкрикивать антисоветские лозунги».

Без сомнения, в собирающихся толпах работниц в любом случае было во много раз больше, чем офицерских жён, и слова Рябышева свидетельствуют скорее не о происках «контрреволюционных элементов», а о катастрофическом состоянии, в котором находилось хозяйство Дона.

казаки-агитаторы проводили разъяснительную работу, патрулировали улицы и осуществляли охрану советских учреждений.

8.7. I СЪЕЗД СОВЕТОВ ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ

25 марта (7 апреля) за сутки до предполагаемого открытия съезда в Ростов прибыл Г.К. Орджоникидзе. Мало кто на Дону знал Серго. До этого он заезжал в Ростов лишь раз летом 1911 г. в качестве «агента ЦК для организационной работы» и пробыл в городе два дня. Статус Орджоникидзе определялся не широкой известностью, а тем, что он в своём лице представляет Совнарком и большевистский ЦК.

Как и левые эсеры, Ленин придавал предстоящему съезду особое значение. На нём, как представлялось, мог решиться вопрос о дальнейших взаимоотношениях с подошедшими с Украины немцами. С первоочередной задачей, не допустить возобновления военных действий, и прибыл в Ростов Орджоникидзе.

Видимо, вопрос о том, какими официальными полномочиями он, собственно, располагает, кое у кого всё-таки возник. В связи с этим 29 марта (11 апреля), когда дискуссия о ратификации Брестского мира была уже в самом разгаре, СНК издал вдогонку соответствующий декрет³⁹⁶.

³⁹⁶ В декрете СНК, опубликованном 31 марта (13 апреля) в № 73 «Известий Всероссийского ЦИК Советов», было прописано следующее: «Чрезвычайному Комиссару Совета Народных Комиссаров (тов. С. Орджоникидзе) поручается организовать под своим председательством Временный Чрезвычайный Комиссариат Южного района, объединяющий деятельность Крыма, Донской области, Терской области, Черноморской губернии, Черноморского флота и всего Северного Кавказа до Баку.

Цель Комиссариата: неуклонное проведение директив Центральной Советской власти на суше и на море, концентрированная борьба с буржуазной контрреволюцией, упрочение Советской власти в районе его деятельности, поддержание прямой связи областей с Советом Народных Комиссаров.

Г.К. Орджоникидзе